

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Итак, детектив, когда мы говорили в последний раз, вы собирались сказать мне, есть ли у вас какие-либо более убедительные доказательства того, что мистер Бруссар в прошлом принуждал женщин к сексу. Хотите поделиться этим с присяжными?

Робинсон посмотрел на Найта, который смотрел прямо перед собой.

— На компьютере жертвы были видео, — сказал Робинсон. — Они были очень... эээ... тяжелыми для восприятия. И они изображали некоторые, ну, ммм, встречи, которые казались менее чем взаимоприемлемыми.

Ребекка бросила на него саркастический взгляд.

— Вы действительно хотите, чтобы я начала показывать эти видео, или вы попробуете описать «встречи, которые оказались менее чем взаимоприемлемыми»?

Робинсон покраснел.

— Похоже, он вымогал секс у многих женщин.

— Сколько было видео?

— Пара сотен.

Ропот в галерее усилился, и Робинсон услышал громкий вздох со скамьи присяжных.

— Сколько разных женщин?

— Двадцать три.

— И сколько из них изображают такие сексуальные отношения по принуждению?

— Большинство.

Ребекка смотрела на присяжных, переходя от лица к лицу, пока говорила дальше.

— Большинство? Не хотите попробовать выразить в процентах?

Робинсон посмотрел на присяжных, и все взгляды были прикованы к нему, ожидая ответа. Он посмотрел на Найта, который смотрел прямо перед собой. Да ладно, черт побери, он не рисковал своей карьерой ради этого фарса. Он вообще не хотел выдвигать обвинения, и теперь Найт бросил его волкам.

Робинсон повернулся от Найта к Ребекке.

— Я сделаю лучше, чем выставлю процент. Из двадцати трех женщин только три оказались согласными. Одна из них изначально не была согласна, но стала явно согласна к третьей встрече.

— А другие?

Робинсон обратился к присяжным.

— Если бы у меня были эти видео и если бы мистер Бруссар был еще жив, я бы выдвинул против него обвинения по более чем ста пятидесяти пунктам обвинения в совершении уголовного сексуального нападения при отягчающих обстоятельствах.

Большинство присяжных в шоке смотрели на него в ответ, и зал суда разразился адом.

— Тихо, — кричал судебный пристав. Робинсон увидел, что судья Фельдман только качал головой. Однако подсудимца все еще нервничала.

«Любопытно, — подумал Робинсон. — Ее не было ни в одном видео. Может быть, ночь убийства — если он вообще мог это так называть — была ее первой встречей? И, возможно, она была первой и единственной, кто когда-либо до конца сопротивлялся заигрыванию

Бруссара».

Когда в зале суда снова стало тише, Ребекка улыбнулась Робинсону.

— Детектив, — сказала она, прислонившись к скамье присяжных и положив руки на перила позади себя, — вы беседовали с кем-нибудь из этих двадцати трех женщин?

Робинсон кивнул.

— Со всеми.

— У всех ли было алиби на вечер двадцать третьего сентября?

— Нет.

— Есть ли у кого-нибудь из этих женщин, их супругов или кто-то из их близких, темные БМВ 325?

— Да, — сказал Робинсон. Вот она — самая большая дыра в броне. И он понятия не имел, откуда она это узнала. Однако, судя по улыбке на ее лице, было очевидно, что она все знала.

— У кого-нибудь из тех, у кого не было алиби или, если на то пошло, было слабое алиби, был темный БМВ 325?

Робинсон посмотрел на подсудимую. Позади нее он видел, как Бенджамин Брэдфорд скрестил руки на груди и сел. Он знает ответ, сообразил Робинсон. Он играет, играет с нами, и играл все это время.

Робинсон снова посмотрел на Ребекку.

— Из двух женщин, владевших темными БМВ 325, ни у одной не было твердого алиби на ночь убийства.

Когда шум в зале суда снова усилился, Робинсон увидел, что большая часть присяжных теперь открыто ухмыляется ему и Найту.

«Нам конец», — подумал он.

На обратном пути к столу представителей Ребекка остановилась и замерла, ожидая, пока толпа утихнет. Робинсон видел, как в зале воцарилась тишина, и все глаза в зале были прикованы к темноволосой, напряженной защитнице.

Она медленно повернулась и посмотрела прямо на судью Фельдмана, не сводя глаз с него и задавая следующий вопрос.

— Детектив, — сказала она громким и ясным голосом, — вы проработали в полиции двадцать один год, верно?

— Да, — признал он, надеясь, что все идет не так, как он думает. Тем не менее, он давал показания тысячи раз и узнал об импичменте, когда его услышал.

— И за это время вы прошли обширную подготовку по каталогизации процесса вашего расследования, верно?

— Да, — прохрипел Робинсон, увидев, что Найт опустил голову к столу представителей и закрыл лицо руками. Оглядываясь на Ребекку, он заметил, что она все еще смотрит прямо на судью Фельдмана, и улыбка теперь начинает змеиться по ее губам, а голос становится громче.

— И частью этого процесса является подготовка и регистрация полицейских отчетов о каждом допросе, который вы проводите в ходе расследования, верно?

Робинсон заколебался. Они были мертвы.

— Верно? — повторила Ребекка.

— Верно, — согласился он.

— И вы готовили полицейские отчеты о каждом допросе с каждой из этих двадцати трех женщин, так?

Робинсон огляделся. Все взгляды были теперь обращены на него, включая пронзительный взгляд явно очень сердитого судьи Фельдмана.

— Верно, — сказал Робинсон.

— Тогда не могли бы вы объяснить, почему ни один из этих полицейских отчетов так и не был передан защите или включен в какие-либо документы об обнаружении, предоставленные защите?

Ответ Робинсона был заглушен новым шумом в зале суда, а Робинсон повесил голову.

— Представители, — проревел судья Фельдман, — в комнату совещаний, сейчас же.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

— Так что же случилось в комнате? — спросил ее Бен, упираясь ногами в ее журнальный столик и держа в руке бокал вина.

— Первое, что случилось, это что все должно закончиться завтра, — ответила Ребекка. — Фельдман взбесился и собирается провести весь вечер, исследуя и готовя частное определение о нарушении закона. Он не хочет ошибаться и рискует, что это в будущем укусит его за задницу. Он хочет быть уверенным, что Найта это погубит.

Бен рассмеялся.

— Высокомерный член, — сказал он. — Так ему и надо.

Ребекка улыбнулась.

— О чем ты думаешь, — сказал Бен, потягивая вино и глядя на нее, свернувшуюся в кресле напротив.

— Я все еще беспокоюсь о том, как все закончится завтра, — сказала она. — Ну, после окончания суда. Все ли пойдет так, как мы планируем? Не будет ли еще одного внезапного поворота событий, с которым нужно иметь дело?

Бен улыбнулся.

— Не волнуйся, — сказал он, — все будет отлично. А теперь иди сюда и поцелуй меня.

Она это сделала, и с каждым прикосновением ей становилось все легче. Исчезли колебания и страх физического контакта. Хотя сначала она все еще была нерешительной, но вскоре расслабилась, в то время как их языки исследовали рты друг друга, а его руки легонько касались ее застывших сосков.

«Боже мой, — подумала она, — прошло девять лет с той ужасной ночи. Что, если бы она в первый раз была более терпеливой и не вышвырнула его? Остались бы они вместе и родили бы собственных детей?»

Тем не менее, сейчас у нее был второй шанс — у них был второй шанс — и она поклялась на этот раз не испортить его.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Когда присяжные вошли в зал суда и заняли свои места в ложе присяжных, Дженнифер встала. Она заметила, что у судьи Фельдмана было строгое выражение лица, и он несколько раз взглянул на Найта. Она знала, что это должно быть хорошо, но Ребекка действовала, не раскрывая карты. Вчера, прежде чем Дженнифер вернули в камеру, в которой она жила последние пять с половиной месяцев, Ребекка сообщила ей, что подала ходатайство о судебном разбирательстве с нарушением закона.

Дженнифер провела ночь в своей камере в молитве. Молясь, чтобы ходатайство о судебном разбирательстве с нарушением закона было удовлетворено; чтобы это долгое испытание, наконец, закончилось; и самое главное, чтобы она опять смогла держать и обнимать своих

прекрасных маленьких девочек, которых она не видела все это время. Они с Беном с самого начала договорились, что не хотят, чтобы девушки видели ее такой, и Бен пообещал, что скажет им, что она уехала из города по делам на долгое время, но скоро вернется. И Бен, и Ребекка делились фотографиями девочек в это время, но боль в ее сердце с каждым днем лишь усиливалась. — Дамы и господа, — подчеркнуто провозгласил судья Фельдман, утихомиривая ропот в зале суда, — в свете вчерашних показаний адвокат защиты в комнате совещаний внес ходатайство об отклонении судебного разбирательства. Суд выслушал аргументы как защиты, так и обвинения, как «за», так и «против». ходатайство защиты. Прежде чем суд вынесет решение по ходатайству, он хотел бы сделать следующие выводы. Фельдман пролистал бумаги перед собой, прочитал страницу, затем начал говорить, оглядывая зал суда:

— Во-первых, защита с самого начала этого действия уведомила о своем намерении поднять вопрос о защите оправдания по обвинению в убийстве. Это оправдание основано на самообороне от сексуального нападения.

— Во-вторых, — продолжил Фельдман, взглянув на свои записи, — в соответствии с положением о надлежащей правовой процедуре, изложенным в Пятой поправке к Конституции Соединенных Штатов, обвинение обязано своевременно передать защите все доказательства имеющиеся у обвинения, которые либо являются, либо могут быть разумно истолковано как оправдывающее вину обвиняемого.

— В-третьих, — продолжил Фельдман, его голос теперь повысился, по мере того как он откладывал свои записи в сторону, — обвинение в данном случае намеренно и с вопиющим пренебрежением к Конституции и правам обвиняемого в соответствии с ней отказало защите в ключевых доказательствах. К таковым намеренно скрытым доказательствам относятся видеозаписи, показывающие, что жертва в течение длительного периода времени была источником возможного сексуального насилия, а также отчеты полиции об интервью с множеством других лиц, у всех из которых были мотивы и возможные средства для совершения преступления, возложенного на обвиняемого. Хуже того, обвинение намеренно использовало схему поведения, направленную на обеспечение того, чтобы защита вообще ничего не знала о существовании таких лиц.

— В-четвертых, в настоящее время Суд сильно сомневается в том, что какое-либо из представленных до сих пор доказательств — и не предоставленных, поскольку обвинение в целом еще не завершило свою аргументацию, но я не вижу улучшения — что какие-либо доказательства до сих пор представленные в судебном процессе безусловно обвиняли подсудимую — как исполнительницу этого преступления. Напротив, теперь у нас есть по крайней мере две других возможных подозреваемых, личность которых не была раскрыта защите до тех пор, пока детектив Робинсон не дал показания вчера в суде. Боле того, и я хочу это прояснить, если бы не правдивые показания детектива Робинсона при менее чем идеальных обстоятельствах, ничто из этого никогда бы не обнаружилось. За это Детектив Робинсон заслуживает похвалы.

Судья Фельдман кивнул детективу Робинсону, сидящему рядом с Найтом за столом представителей. Затем Дженнифер увидела, как взгляд судьи Фельдмана повернулся и остановился на ней. Не задумываясь, она почувствовала, как в ее груди все сжалась, когда она затаила дыхание.

— За все годы, что я провел на скамье судьи, — сказал он, его взгляд был бесстрастным, но

черты лица смягчились, — я никогда не был свидетелем таких грубых нарушений со стороны обвинения. Любые представленные доказательства, которые могут указывать на то, что обвиняемая явилась причиной смерти г-на Бруссара, — а теперь в крайней степени неясно, была ли она на самом деле лицом, ответственным за эту смерть — но любые такие доказательства больше указывают на вероятность того, что выдвинутая ею защита действительна.

Лицо Фельдмана стало жестким, когда он повернулся к Найту.

— Учитывая уровень неправомерного поведения прокуратуры и серьезный ущерб, нанесенный таким образом правам обвиняемой после начала этого судебного разбирательства, у этого суда нет иного выхода, кроме как удовлетворить ходатайство защиты о неправомерном судебном разбирательстве. — Зал суда взорвался, но так же быстро и затих, когда судья Фельдман хлопнул ладонью по столу.

— Такое неправомерное судебное разбирательство основано на неправомерном поведении прокуратуры, после того как присяжные были приведены к присяге, кроме того, обвинения отклоняются безвозвратно.

На этот раз никакие крики судебного пристава не могли успокоить зал суда. Дженнифер наблюдала, как судья Фельдман нацарапал свою подпись на бланке приказа и передал его клерку, прежде чем покинуть скамейку запасных. Она повернулась и увидела, как Найт захлопнул свой портфель и выбежал из зала суда, не обращая внимания на вопросы, которые ему задавали дюжина или более репортеров...

— Что это значит? — спросила Дженнифер Ребекку, которая откинулась на спинку стула рядом с ней и потерла лицо, в то время как интенсивная энергия заметно покидала ее миниатюрное тело.

— Это означает, что ты свободна, — сказала Ребекка. — Все кончено.

Дженнифер почувствовала, как по ее щекам текут горячие слезы, а пустая яма в ее животе наполнилась надеждой. Она повернулась и посмотрела на Бена, который ей улыбнулся. Она могла лишь улыбнуться в ответ, не доверяя своему голосу.

— Мисс Брэдфорд, — сказал судебный пристав, осторожно кладя руку ей на плечо. Она повернулась, и он продолжил: — Не могли бы вы пройти со мной, пожалуйста? Мы лишь собираемся сейчас вернуться и забрать ваши вещи, а после выведем вас отсюда в кратчайшие сроки, хорошо?

Она кивнула и опять повернулась к Бену.

— Мы тебя подождем, — сказал он.

Когда Дженнифер встала и последовала за судебным приставом, она оглянулась на Бена, который теперь обнимал Ребекку. Она заметила, что Ребекка так же сильно обнимает его в ответ.

«Странно, — подумала Дженнифер, — меня он не обнял».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Возле здания суда детектив Брэдфорд возле толпы репортеров ждал появления Бенджамина Брэдфорда. Когда дверь распахнулась, Бен вел Ребекку к микрофонам, стоящим в стороне, для ответов на все задаваемые ей вопросы.

— Могу я минутку с вами поговорить? — прошептал Робинсон Бену на ухо.

Бен повернулся и улыбнулся ему:

— Конечно, детектив.

Они незаметно прошли в безлюдное место метрах в пятнадцати в стороне.

— Вы знали все это время, не так ли? — сказал Робинсон без вступительных слов.

Улыбка Бена стала шире.

— Знал что, детектив?

— Видео и отчеты полиции. Они были у вас все время, ведь так?

Бен только улыбнулся в ответ.

— Вы играли с нами, — настаивал Робинсон, пытаясь получить ответ. — Вы — и она — знали, что это произойдет, и играли с нами.

Облако гнева прошло по лицу Бена, затем улыбка вернулась.

— Детектив, — сказал он, — если даже предположить, что вы правы, как кто-то мог знать, что Найт откажется от всех этих доказательств? Что он сыграет нам на руку?

Робинсон покачал головой:

— Если у вас были все доказательства, это не имело значения, ведь так? Нет, это лишь ускорило процесс и помогло вывести Найта из строя. В любом случае, если бы все это было предъявлено, вы нас поймали.

— Тогда почему вообще были выдвинуты обвинения, детектив? — Гнев вернулся на лицо Бена, и теперь его голос перешел в шипение. — Вы знали, каков мерзкий ублюдок Бруссар, и все равно выдвинули эти обвинения и сделали все возможное, чтобы осудить ее. Зная как в мире этот... этот... этот гребаный зверь бродит вокруг и ломает все эти жизни. И кто же здесь плохой парень, детектив?

Робинсон ничего не сказал. Брэдфорд был прав.

— Если предположить, что все это было у нас с первого дня, — продолжил Брэдфорд, — я не говорю, что у нас оно было, но если да, то да, мы бы не особо волновались. — Но опять же, детектив, — сказал Бен, ядовито выплевывая последнее слово, — настоящий вопрос в том, почему? Почему вы предъявили эти обвинения? Вы один из всех людей знали, каким чудовищем был Бруссар. Почему вы заставили нас пройти через это?

Робинсон покачал головой:

— Я этого не делал, — наконец, сказал он. — Я умолял Найта отказаться от обвинения, но он не стал. Сказал, что ему нужна эта победа, она нужна ему, чтобы остаться у власти.

— Это чушь собачья, — сказал Бен. — Вы могли бы передать все это в прессу несколько месяцев назад. Все бы исчезло, и вы, черт возьми, хорошо это знаете. Но нет, вместо этого вы просто разыгрывали вместе этот... этот... этот гребаный фарс, чтобы Найт мог бы похлопать вас по спине, добиться победы на выборах и утверждения вашего продвижения по службе. Что ж, детектив, я думаю, все получилось не совсем так, как вы планировали. И если вы хотите кого-то обвинить, начните с поиска в гребаном зеркале.

Робинсон ничего не сказал на это. Да и что он мог сказать? Он просто смотрел, как Бен устремился к Ребекке, а потом повернулся и пошел обратно в здание суда.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

— Куда мы идем, дорогой? — спросила Дженнифер, глядя на Бена.

— Мы должны заехать к Ребекке, Джен, — сказал он. Он был замкнут, лицо его было маской, и Дженнифер стало не по себе.

— Но я хочу увидеть своих детей, — сказала она. — Бен, пожалуйста, нельзя ли подождать?

Бен покачал головой.

— Бен, детка, что случилось?

Он бросил на нее взгляд, и Дженнифер почувствовала, как по ее спине пробежала дрожь. «О, Боже, — подумала она, — этого не может быть».

Она закусила губу, когда машина въехала в гараж. Они молча ехали на лифте на верхний этаж, где вышли, и Дженнифер последовала за Беном по коридору к двери. Он вытащил ключ и отпер дверь, приглашая ее войти. Увидев, как он отпирает дверь квартиры Ребекки, Дженнифер почувствовала, словно кто-то ударил ее кулаком в живот.

— Сядь, — сказал он, указывая на обеденный стол.

Она скользнула в кресло и наблюдала за Беном. Он прокладывал провода к портативному компьютеру и внешнему жесткому диску и обратно. Затем он включил компьютер и щелкнул по нескольким папкам. Она не могла видеть экрана, но боялась худшего. Просмотр видеозаписей в зале суда парализовал ее страхом, но после того как выслушала показания и поняла, что ее не было ни в одном из видео, она решила, что вышла сухой из воды. Теперь же она не была так уверена, что все уже окончено.

— Уже здесь? — услышала она и повернулась, чтобы увидеть, как в дверь входит Ребекка и бросает куртку через стул.

— Просто готовлюсь, — сказал Бен.

Ребекка улыбнулась и щелкнула защелками своего портфеля.

— Тогда они нам понадобятся, — сказала Ребекка, вытащив из портфеля толстый манильский конверт, положив его на стол перед Дженнифер.

— Что здесь происходит? — спросила Дженнифер, глядя на них обоих, сидящих за столом.

— Позволь мне рассказать тебе историю, — начал Бен, нажимая на пару клавиш на ноутбуке, а затем щелкая мышью. — Когда-то жила была семейная пара, и они были очень счастливы. По крайней мере, так думал муж. У них, казалось, было все. У него был хороший бизнес, который только начинал развиваться, а она быстро поднималась по служебной лестнице и продвигалась все быстрее и быстрее. У этой пары были две красивые маленькие девочки, и все могло быть еще лучше.

Дженнифер наблюдала за Беном, когда он говорил, и увидела, как на его глазах наворачиваются слезы.

— Однажды, на вечеринке, — продолжил он, — меня нанял твой босс для проверки вашей компьютерной безопасности. Ты казалась этим так взволнована, так счастлива за нас обоих. И я тоже был счастлив. Я хотел заставить тебя гордиться, позволить тебе увидеть, что я на самом деле делаю и насколько хорошо я это делаю. Так что, я выложил на всю катушку, и в кратчайшие сроки оказался в вашей системе.

Дженнифер почувствовала в груди напряжение. Он прорвался. Она пыталась наблюдать за ним, пыталась выяснить, как далеко он продвинулся, но он так и не раскрыл карты. Она поняла, что недооценила его. Она слишком полагалась на банальные заверения Джеффа Ричарда, что все в порядке.

Бен улыбнулся сквозь слезы, текущие по его щекам.

— Ты сделала только одну ошибку, Дженнифер, и очень маленькую.

Она выглядела сбитой с толку, пока он ожидал, пока она угадает.

— Твоя единственная ошибка, — сказал Бен, увидев, что она не отвечает, — была на вечеринке, когда ты определила мне Бруссара как дурака. И просто ради смехе я решил, что он будет тем, кого я взломаю. Понимаешь, именно эти люди, заносчивые всезнайки, обычно делают самые большие ошибки. Они думают, что они непобедимы, и не удосуживаются

выслушивать своих сослуживцев о мелочах, например, о безопасности паролей и общей безопасности системы. И поскольку ты сразу же указала мне на это, я, сам того не ожидая, угадал правильное направление, чтобы раскрыть всю эту гнусную схему.

Он развернул ноутбук перед ней, и она посмотрела на экран.

— Сначала было вот это, — сказал он, щелкнув мышью и вызвав серию электронных писем. — Электронная почтовая связь между Бруссаром и Ричардсом. Электронная переписка между главой службы безопасности систем и главой коммерческого отдела, которой не должно быть. Они, вероятно, не разговаривали друг с другом и пяти раз в году, и внезапно мы заставили их переписываться по электронной почте два-три раза в день.

Бен снова щелкнул мышью, и на экране появилось конкретное электронное письмо.

— Это привело меня вот к этому, — сказал он. — Электронное письмо от Бруссара на его домашний компьютер.

Бен снова щелкнул.

— А это привело меня к этому. — Дженнифер смотрела на экран и видела, как Бен пролистывает тысячи депозитов от Дженсен Нэйшнэл до ряда офшорных счетов.

— И к этому, — сказал Бен, снова щелкнув мышью. Была раскрыта папка, содержащая всю информацию о каждой из офшорных учетных записей, включая балансы и пароли этих записей.

— Так это был ты, — прошептала Дженнифер.

Бен кивнул.

— Ты же не думала, что я такой умный, не так ли?

Она ничего не сказала, пораженная тем, что он так быстро раскрыл всю схему. Он был прав, она явно недооценила собственного мужа. С другой стороны, она понятия не имела, что он на самом деле делал и как он это делал. Вместо этого она полагалась на Ричардса, насчет предотвращения всяческих попыток вторжения.

— Проблема была в том, — продолжил Бен, — что я понял, что вас трое, но смог идентифицировать лишь Ричардса и Бруссара. Честно говоря, я считал третьей Сьюзан Флауэрс. Третьей явно была женщина, и она точно работала в отделе аудита. Я вспомнил, как ты говорила, что у них с Бруссаром что-то происходит, и был чертовски уверен, что это была она.

Бен щелкнул мышью, и появился список папок, все имели женские имена с номерами после них.

— Потом я наткнулся на это, — сказал он. Он щелкнул по одной из них, помеченной «Сьюзан 9», и начало воспроизводиться видео. — Это подтвердило мои подозрения, — сказал Бен, поворачиваясь к экрану. Сьюзан с энтузиазмом скакала на члене Бруссара в агонии оргазма.

— Но меня ведь там нет, — сказала Дженнифер, просматривая список видеозаписей. — Так, что все это значит?

Бен улыбнулся.

— Да, Дженнифер, тебя здесь нет. — Он прокручивал экран с помощью мыши, пробегая вверх и вниз по сотням видеофайлов. — Это то, что было у полиции с первого дня.

— Тогда ты знаешь, что я невиновна, — взмолилась Дженнифер. — Пожалуйста, Бен, я не понимаю, что происходит.

Печальный взгляд Бена исчез, и она увидела, как его черты исказили боль и гнев.

— Дженнифер, — сказал он хриплым голосом, — это то, что было у полиции, потому что я

забрал остальное.

Он щелкнул мышью, и появилось шесть видеофайлов. Они были обозначены как «Дженнифер» с номерами от 1 до 5, а последний из них был помечен «Убийство». — От последнего Дженнифер вздрогнула. Бен прокрутил стрелку до «Дженнифер 5» и дважды щелкнул.

— Это видео изменило мою жизнь, — сказал он. Она смотрела на экран. Вот — она, обнаженная, подробно излагает Бруссару план, как забрать миллионы, соблазнить Джеффа Ричардса, чтобы, наконец, осуществить свои мечты о богатстве.

— Ты ведь сделала все это ради денег? — спросил он.

Она кивнула, глядя на экран.

— Чего бы это ни стоило, ты просто хотела денег. Трахнула меня, трахнула наш брак. — Его голос дрогнул, когда она повернулась к нему. — Трахнула наших маленьких девочек, да?

На последнем она ахнула.

— Нет, Бен, я сделала это ради них. Так, чтобы им никогда не пришлось ни в чем нуждаться. Чтобы они не ходили в школу в обносках, как я, с дешевыми стрижками и недостаточным количеством денег на платье для встречи выпускников. Так, чтобы им не пришлось беспокоиться о жизни в трейлере. — Она почувствовала, как по ее лицу текут слезы. — Нет, в этом ты ошибаешься, — сказала она, — я сделала это именно ради них. И каждый раз, когда я делала то, чего не хотела делать, я думала о них, и о том, что им никогда не придется расти, как росла я. Я стыдилась себя и своей семьи, которая являлась предметом шуток на всех танцах, футбольных матчах, уроках и всем остальном.

Лицо Бена было залито слезами, и Дженнифер посмотрела на Ребекку. Ей показалось, что та сочувствует, но не могла сказать кому, ей или Бену.

— Ты спала со многими, не так ли? — обвинил Бен.

Она кивнула.

— Вот почему тебя так быстро повысили, да?

— Это началось со Сьюзан, — прошептала Дженнифер. — Однажды мы работали допоздна, и она вернулась в офис с ужина. Она слишком много выпила и позвала меня в свой офис. Когда я пришла, она попросила меня проверить некоторые цифры, и при этом начала гладить меня по руке, затем по щеке, затем по заднице. Я знала, чего она хочет. Черт, в офисе все знали, что она работает в обоих направлениях. И все знали, что ее любовники получают... льготы.

— Итак, ты стала ее любовницей, — ровным голосом произнес Бен.

Дженнифер кивнула.

— Около двух лет назад. — Она видела, как на лице Бена промелькнуло отвращение. — Но, Бен, разве ты не видишь, вскоре после этого меня повысили в должности. Самый молодой младший вице-президент в департаменте.

— С кем еще?

Дженнифер закусил губу.

— Она познакомила меня с Аленом, — сказала Дженнифер.

Бен дважды щелкнул по файлу «Дженнифер 1», и появилось видео и запустилось. Он прокрутил вперед до середины видео.

— Это было так? — спросил Бен. Дженнифер смотрела на экран, где она ласкала киску Сьюзан и стонала от желания, в то время как в ее в задницу толкался Бруссар.

Дженнифер почувствовала, как ее щеки покраснели от унижения, а глаза Бена и Ребекки

прожигали ее.

— Что он смог сделать для тебя, Дженнифер?

Она ничего не сказала.

— Он был тебе нужен, чтобы стащить деньги, не так ли? — обвинил Бен. — Ты все время знала, к чему все идет, и тебе нужен был кто-то, у кого есть доступ к международным переводам, чтобы это сделать, верно? — Она кивнула, и он продолжил. — И ты знала, что сможешь сделать из Сьюзан Флауэрс козла отпущения, если это когда-нибудь обнаружится, не так ли? — Она опять кивнула.

— Так, кто же еще, кроме Сьюзан Флауэрс и Алена Бруссара? — спросил Бен. — Судя по твоему разговору в первом видео, тебя, наверное, трахнул также и Джефф Ричардс, не так ли? Дженнифер закусила губу. Она решила, что он не сможет этого доказать. Их встречи ограничивались трахом в офисе, в машине или в квартире Ричардса.

Когда она ничего не сказала, Бен снова щелкнул мышью. ебанный ублюдок?! — кричала она, в то время как он продолжал махать руками. Затем она увидела, как воткнула нож ему в грудь и провернула, продолжая кричать, чтобы он сказал ей, где деньги.

— Ты же не думала, что я позволю убийце приблизиться к своим девочкам? — сказал Бен. — Посмотри правде в глаза, Дженнифер, я раскрыл тебе все карты. Если ты поднимешь какую-либо суету, это видео и весь твой гнусный план будет обнародован, и ты попадешь в тюрьму на оставшуюся часть твоей жалкой жизни.

Дженнифер почувствовала, что все тело похолодело.

— Меня нельзя снова обвинить, — сказала она. — Ты слышал судью. Дело прекращено безвозвратно. Это означает, что применяется двукратное привлечение к ответственности, и меня нельзя судить снова.

— Это не совсем так, — сказала Ребекка. — Ты права: штат Иллинойс не может снова предъявить тебе обвинение в убийстве Алена Бруссара. Однако федеральное правительство все еще может это сделать.

Дженнифер открыла рот.

— Верно, — продолжила Ребекка. — Двукратное привлечение к ответственности лишь препятствует тому, чтобы тебе было предъявлено обвинение в одном суде — в данном случае в судах штата Иллинойс — за одно и то же преступление. Однако тебя все еще могут судить за все федеральные преступления, если обвинения будут переданы в Федеральный суд.

Дженнифер потеряла дар речи. Этого не могло быть.

— Помнишь Родни Кинга? — спросила Ребекка. Дженнифер кивнула. — Помнишь, что все эти копы были оправданы в калифорнийском суде и все последовавшие за этим беспорядки? Затем, помнишь, два года спустя большинство тех же полицейских были осуждены и отправлены в тюрьму по федеральным делам?

Дженнифер на самом деле не помнила, но не сомневалась, что Ребекка говорит правду.

— Видишь ли, — сказала Ребекка, — ты нарушила РИКО — закон США «О Рэкетированных и коррумпированных организациях». Поскольку вас было трое, это был заговор. И каждый раз, когда деньги переводились из Дженсен Нэшнэл Бэнк на ваши собственные счета, это было мошенничество с использованием электронных средств. Эти переводы представляют собой образец преступного поведения, на что и нацелен РИКО. А когда ты убила Бруссара ради получения денег, то совершила убийство в поддержку преступного сговора. И знаешь что, Дженнифер, срока давности за убийство нет.

— Верно, — сказал Бен, и она повернулась к нему. — Так что, не думай ни о чем другом, кроме как о том, чтобы навсегда исчезнуть.

Он наклонился вперед и впился в нее взглядом.

— Копии всего этого, а также хронология всего печального романа хранятся в очень безопасном месте. И если что-нибудь — я имею в виду что угодно — случится со мной или с Ребеккой, все это будет направлено прямо в федеральную прокуратуру. Так что тебе лучше молиться, чтобы я прожил очень долгую и здоровую жизнь, и чтобы Ребекка сделала то же самое. Потому что, если ты что-нибудь попробуешь или даже если кто-то из нас станет жертвой невинной аварии, за тобой придут. Ты понимаешь?

Дженнифер была побеждена, и знала это. Конечно, она все это рассмотрит, но уже было ясно, что они организовали все это с самого начала и спланировали все непредвиденные обстоятельства.

Потом она растерялась:

— Но почему?

Бен посмотрел на нее с презрением.

— Ты убила человека, переспала с половиной своих сотрудников, и еще спрашиваешь, почему?

Дженнифер покачала головой.

— Нет, — сказала она, — почему ты просто не позволил всему этому проявиться на суде? Почему ты отпускаешь меня? Из-за денег? Ты заберешь деньги?

— Что ж, допустим, ты удивила нас своей реакцией, застала нас врасплох, — сказала Ребекка. — Мы-то думали, что это заставит вас троих в панике бежать в укрытие, пытаясь понять, что произошло. Но нет, тебе понадобилось пойти и убить его. На самом деле мы этого не ожидали. Нам пришлось срочно решать что делать.

— Но срочно решив, мы сделали это, — засмеялся Бен. — И это на самом деле сработало лучше, чем если бы мы просто позволили тебе болтаться на ветру, прежде чем всех вас сдать.

Бен наклонился вперед и заговорил ядовитым голосом:

— Во-первых, мы не просто так отпускаем тебя.

— О нет, — вмешалась Ребекка. — Тебе придется провести остаток своей жизни без своих дочерей, никогда больше не держа их на руках, не обнимая или не укладывая их в постель. Вместо этого всю оставшуюся часть своей жизни ты будешь оглядываться через плечо, гадая, не попадешь ли ты сегодня в тюрьму на всю оставшуюся жизнь.

— А во-вторых, — сказал Бен, — мы возвратим деньги. Разве ты не понимаешь? Знаешь, я бы никогда не оставил эти деньги себе. Но если бы все это выявилось на суде, старик Дженсен никогда бы не перестал думать, что мы в этом вместе не участвовали вместе с вами.

Независимо от того, что я ему передал, он всегда бы сомневался, всегда думал, что я знал о том, что ты делаешь. Теперь, однако, мы вернем их ему и спихнем все на Бруссара.

— Суд показал его такой слизью, — сказала Ребекка. — Ни у кого не будет сомнений, что он был на это способен.

— А также я планирую указать в своем отчете, насколько небрежным был Ричардс, — сказал Бен. — Он потеряет свою работу и никогда не получит другой. Это должно навсегда сломать его. После потерей работы и потери тебя — а я сомневаюсь, что ты вернешься к нему — он сломается в мгновение и окончательно. И Сьюзан Флауэрс, вероятно, тоже провалится, учитывая, что ее бухгалтерия пропускала все это в течение нескольких месяцев.

— А Бен станет героем, — сказала Ребекка, поглаживая предплечье Бена и глядя на него. — Я — блестящий адвокат, разоблачивший подозрительного обвинителя и освободивший невинную женщину, а Бен — герой, раскрывший ограбление на шесть миллионов долларов и возвративший каждый цент.

— Верно, — сказал Бен, улыбаясь Ребекке. — Дженсен примет меня на постоянную работу, будет рекомендовать меня по всему миру, и мой бизнес взлетит. Черт возьми, мы будем богатыми, не так ли?

Ребекка кивнула, наклонилась и поцеловала его в губы.

— Подумай об этом, Дженнифер, — сказал Бен. — У нас будет все: любовь, богатство и две красивые маленькие девочки.

Дженнифер видела, как он поднял брови, глядя на нее. Его взгляд сказал все: у нее не будет ничего.

Абсолютно ничего.

Она видела, как ее слеза капнула на бумаги перед ней, когда она потянулась за ручкой, чтобы подписать отказ от мечты, которая когда-то была ее жизнью...

КОНЕЦ